

типа иноязычных вкраплений у Немировски — лексико-синтаксические, топонимические и имена собственные, а также цитаты на иностранном языке. Среди них доминируют русские иноязычные вкрапления, затем следуют английские, на третьем месте — немецкие. С точки зрения синтаксиса русские элементы вписываются во французскую фразу, как если бы русский и французский языки были одним целым, что является прекрасным примером «внутреннего переключения кодов» на письме. В отличие от Немировски, у Гари иноязычные вкрапления всегда написаны латиницей в фонетической транскрипции. В большинстве своем *окказиональные*, как и у Немировски, они переходят из самой первой рукописной версии в опубликованный текст. В отличие от Немировски, Гари, который также использовал несколько иностранных языков (и русский занимает в этом списке не последнее место), дает толкование, перевод иноязычного вкрапления.

Доклад Ю. Холтер (Франция) был посвящен переводу Вадимом Козовым своей поэзии на французский язык (*Hors de la colline / Прочь от холма. Paris, 1984*). Черновики перевода с многочисленными пометами, сделанными со-переводчиками Мишелем Деги и Жаком Дюеном, свидетельствуют о диалоге, и даже о жарком споре, межъязыковом и межкультурном, иммигранта и диссидента с «принимающей» стороной. По определению Холтер, перевод Козового — это «силовой вектор»: творческая сила противопоставлена политическим, идеологическим силам, от которых Козовой желал избавиться, покидая Советский Союз (однако и во Франции он столкнулся с подобными силами). Можно предположить, что многие факторы сопутствовали удачной литературной карьере Козового на Западе. Однако его интеграция во французские культурные круги

не прошла так же удачно, как, например, это произошло с Бродским в США. Рукописи показывают трудность (невозможность?) перевода сложной поэзии Козового на французский язык.

В работе круглого стола приняла участие Н. М. Сперанская (Санкт-Петербург), сотрудница Центра изучения эпохи Просвещения («Библиотека Вольтера») Отдела редких книг РНБ. Она познакомила аудиторию с разноязычными пометами, оставленными Вольтером на полях читанных им книг. В одних случаях маргиналии сделаны на языке текста («Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо), в других — по-французски (трактат англичанина У. Уорбуртона «Божественная миссия Моисея»). При этом «фернейский патриарх» хорошо владел английским языком и написал на нем первую версию своих «Философских писем» — «*Letters concerning the English nation*». Можно предположить, заключила докладчица, что Вольтер делал пометы на языке оригинала, когда «вступал в диалог» с автором, и на родном, т. е. на французском, когда пометы служили своего рода конспектом для написания собственного труда.

Итак, мы видим, что для многоязычных писателей от Вольтера до Козового (т. е. с XVIII и до конца XX века) владение двумя и более языками является важным подспорьем в творческом процессе, определяя его особенности.

Заседание круглого стола прошло плодотворно: доклады вызвали вопросы, завязалась дискуссия. Ряд интересных и ценных замечаний и наблюдений сделал сотрудник Пушкинского Дома П. Р. Заборов. Работа над совместным проектом будет продолжаться.

© Н. Л. Львова

© Юлия Холтер (Франция)

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-216-220

НАУЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛЕГА ВИКТОРОВИЧА ТВОРОГОВА

10 октября 2018 года в Пушкинском Доме состоялось научное заседание, посвященное 90-летию со дня рождения крупного ученого, исследователя древнерусской литературы доктора филологических наук Олега Викторовича Творогова (11.10.1928–24.06.2015). В нем приняли участие сотрудники Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН, ученики Творогова, филологи и историки из Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, с которыми его связывали научные контакты.

Со вступительным словом к участникам заседания обратилась заведующая Отделом

древнерусской литературы Пушкинского Дома Н. В. Понырко. Она охарактеризовала три главные направления его исследований: работы по хронографии (упомянув в первую очередь монографию ученого «Древнерусские хронографы», в которой исследовано более десяти хронографических сводов по ста с лишним спискам); многочисленные труды по «Слову о полку Игореве» (в том числе редактирование «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“» и «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“», для которой им написано более 200 статей, а также редактирование книги А. А. Зимина «Слово

о полку Игореве» (2006)); важные труды по систематизации знаний (участие в составлении словарей, энциклопедий, библиографий, описаний рукописных собраний). Понырко вспомнила характеристику ученого, данную ему Д. С. Лихачевым в 1975 году после выхода в свет книги «Древнерусские хронографы»: он назвал Творогова одним из столпов Сектора древнерусской литературы. Понырко добавила к этой метафоре, что тремя другими столпами, на которых крепко держалось здание Отдела (тогда Сектора) древнерусской литературы были А. М. Панченко, Л. А. Дмитриев и Я. С. Лурье.

Е. Г. Водолазкин (Санкт-Петербург) прочел доклад, посвященный анализу двухтомного издания-исследования О. В. Творогова «Летописец Еллинский и Римский» (СПб., 1999. Т. 1: Текст; СПб., 2001. Т. 2: Комментарий и исследование). Он показал важность этого труда, охарактеризовал эдиционные принципы публикатора и особо остановился на волновавших Творогова текстологических проблемах универсального характера.

Исследователь отметил, что издание текста Летописца Еллинского и Римского (далее — ЕЛ), предпринятое Твороговым, до определенной степени является реконструкцией. Первый ее уровень касается основного списка издания. В разных своих частях публикация основана на пяти списках, причем один из них (РНБ. Собр. Погодина. № 1437), который восполняет утраченные всеми списками ЕЛ начальные листы, является списком ЕЛ Первой редакции: начальные части обоих памятников были тождественны. По мнению докладчика, такой подход вполне правомерен, поскольку издается *текст* памятника, а не конкретная рукопись. Менее обоснованным кому-то может представляться второй уровень реконструкции — исправление *текста* ЕЛ по его *источникам*. Речь здесь идет прежде всего о хрониках Георгия Амартола и Иоанна Малалы. С точки зрения «абстрактно-текстологической», необходимо воспроизводить тот текст, который читали средневековые книжники — со всеми его описками и путаницей, потому что все эти ошибки — также факт истории древнерусской литературы. Вместе с тем, если принять во внимание, как велико количество испорченных мест в ЕЛ, можно понять стремление издателя исправить в основном тексте памятника наиболее очевидные его ошибки.

Говоря о принципах издания текста, Водолазкин коснулся также проблемы «литературоведческих/языковедческих» изданий. Сторонникам «языковедческих» изданий (т. е. изданий «буква в букву, знак в знак») В. В. Кускову и Н. И. Прокофьеву Творогов счел необходимым возразить отдельно. Присоединяясь к убедительной аргументации, предложенной в разное время Л. А. Дмитриевым, Д. С. Лихачевым и О. В. Твороговым, докладчик отметил, что известный на сегодняшний день издательский опыт позволяет со всей категоричностью заявлять: критическое издание древнерусских

памятников не может быть языковедческим. Издание, подразумевающее публикацию текста памятника с разночтениями по всем сохранившимся редакциям и вариантам, должно отражать литературную историю текста в его развитии. Иными словами, выбор значимых лексических разночтений должен быть существенным этапом в осмыслении текста памятника. Регистрация всех — в том числе буквенных и знаковых — различий превратила бы публикацию в хаос.

В издании Творогова, по словам докладчика, очень важна исследовательская часть, продолжающая текстологическое и источниковедческое изучение ЕЛ, начатое ученым в 1970-е годы. Не согласившись с точкой зрения А. Н. Попова и В. М. Истрина, Творогов привел тогда дополнительные аргументы к мнению А. А. Шахматова, полагающего, что Первая и Вторая редакции ЕЛ не имеют генетической связи, а восходят к общему источнику. В то же время, в отличие от Шахматова, текст этот представлялся Творогову не в виде энциклопедии X века, а в виде Архетипической редакции ЕЛ. В посвященной источникам части книги подробно рассмотрены Хроника Георгия Амартола, Хроника Иоанна Малалы, гипотетический Хронограф по Великому Изложению, Александрия, Иосиппон, Откровение Мефодия Патарского, Житие Константина и Елены, Сказание об императоре Феофиле, летописные фрагменты, полемические сочинения против латинян. Вслед за Лихачевым Творогов высказывает осторожное предположение о новгородском происхождении ЕЛ. Особую весомость этому предположению придает, по мнению Водолазкина, становящаяся все более очевидной ведущая роль Новгорода в истории древнерусской письменности в целом и хронографических текстов в частности.

Издание Твороговым Летописца Еллинского и Римского докладчик назвал одной из важных вех в развитии медиэвистики и поставил его в один ряд с такими классическими трудами, как публикация Истриным Хроники Георгия Амартола или издание Повести временных лет Лихачевым.

Доклад Т. В. Анисимовой (Москва) «Тихонравовский хронограф: предварительные итоги исследования» был посвящен хронографу из собрания Н. С. Тихонравова (РГБ. Ф. 299. № 704), излагающему мировую историю от сотворения мира до событий, предшествующих рождению Константина Великого. Рукопись датируется рубежом XV–XVI веков, однако докладчице удалось показать, что хронографическая часть данного памятника (изданная в серии «Летописи и хроники» в 2013–2016 годах) представляет собой один из наиболее ранних древнерусских хронографов, восходящих к Хронографу по великому изложению. На это указывает как ранний вид отразившегося в нем Троицкого хронографа, так и заимствование из него обширного компилятивного «Рассказа о Навуходоносоре» архипитом Полной хронографической палеи.

Важная особенность Тихонравовского хронографа — наличие в нем обширной компиляции из пророческих цитат, послужившей источником «Речи философа» Повести временных лет и «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. Второй том хронографа, по мнению докладчицы, отразился в Рогожском хронографе. Анисимова охарактеризовала также библейскую часть Тихонравовского хронографа, основанную на Толковой Палее и сокращенном («изборном») Восьмикнижии. В нее вошла, в частности, оригинальная история Иосифа Прекрасного и его братьев, скомпилированная из фрагментов «Заветов 12 патриархов» полной редакции и повлиявшая, как оказалось, на одну из статей Толковой Палеи. Среди других источников истории Иосифа обнаружены фрагменты «Послания Климента Смолятича к пресвитеру Фоме», соотносимые Поньрко с толковыми дополнениями Послания, сделанными монахом Афанасием. Анисимова высказала гипотезу об атрибуции Афанасию не только рассказа об Иосифе, но и какой-то части повествования Тихонравовского хронографа в рамках изборного Восьмикнижия.

В докладе О. Л. Новиковой (Санкт-Петербург) «„Хроника Георгия Синкелла“ в трудах белозерского книжника на рубеже XV–XVI веков: по материалам рукописей РНБ, Q.XVII.57 и ГИМ, Син. 561» получила развитие тема, затронутая в более ранней работе автора (*Новикова О. Л. «Хроника Георгия Синкелла» в произведениях русских авторов второй половины XV — начала XVI века // Вестник «Альянс-Архео»*. М.; СПб., 2017. Вып. 20. С. 39–51). В выступлении речь шла о безымянной компиляции, сохранившейся лишь в русских списках и связываемой в отечественной историографии с византийским сочинением, составленным секретарем константинопольского патриарха Тарасия Георгием и продолженным его другом Феофаном Исповедником. Новикова привела примеры осмысления текста этого памятника на Руси в конце XV — начале XVI века, отразившегося в трудах новгородского архиепископа Геннадия (Гонзова) и игумена Иосифа Волоцкого, а также рассказала о восприятии этого сочинения их современниками на Белоозере. Докладчица показала механизм включения сведений «Хроники Георгия Синкелла» в состав хронографа, работа над которым велась в Кирилло-Белозерском монастыре на протяжении последней четверти XV — первого десятилетия XVI века. В результате исследования фрагменты текста, сохранившиеся на л. 455 об. — 459 об. рукописи ГИМ. Син. 561, были надежно соотнесены с текстом «Хроники Георгия Синкелла». По наблюдению Новиковой, подготовительная работа по созданию нового хронографического сочинения, проведенная безымянным книжником рубежа XV–XVI веков, включала несколько этапов, каждый из которых нашел отражение в том или ином из его сборников.

А. В. Сиренов (Санкт-Петербург) выступил с докладом на тему «Лицевой Летописец о знамениях и Хронограф редакции 1617 го-

да». Он обнаружил, что к тексту Хронографа редакции 1617 года близок анонимный лицевой Летописец о небесных знамениях, написанный в первой половине XVII века и дошедший в автографе автора (рукопись БАН. Собр. И. И. Срезневского. П. 119). Оба памятника составлены с привлечением Хронографа редакции 1512 года, русского перевода Хроники Мартина Бельского, Хроники Конрада Ликоцена и текстуально не совпадающих записок о событиях Смутного времени. Ответ на вопрос, случайна ли эта близость, кроется, по предположению докладчицы, в фигуре автора Летописца о небесных знамениях. Кроме редкой для своего времени широты интересов, он отличался еще и возможностью знакомиться с рукописями, находившимися в разных городах страны. Постоянно проживая в Казани, он привлекал в качестве источников своего сочинения рукописи, хранившиеся в Ярославле, в Кирилло-Белозерском монастыре, в Москве. Кроме того, следует отметить его выраженный интерес к Смоленску, что вкуче с использованием западнорусской летописи, близкой к Супрасльской, может быть следствием посещения им западнорусских земель.

Сиренов обратил внимание на то, что самым первым по времени известным нам владельцем рукописи был черный поп казанского Спасо-Преображенского собора Иосиф Андреев сын Крылов. Если допустить, что рукопись он унаследовал от отца, то имя автора рукописи — Андрей Крылов. Так звали племянника патриарха Гермогена. Андрей Семенович Крылов в Смутное время приехал из Казани в Москву и находился при Гермогене. Летом 1610 года был включен в состав посольства Филарета Никитича к Сигизмунду III под Смоленск, отсюда отозван патриархом и по возвращении в Москву занимался рассылкой по городам грамот Гермогена, за что подвергался преследованиям со стороны тогдашних властей. После Смуты он был служилым человеком в Уфе и в таком статусе в документах упоминается с 1618 по 1647 год. В 1652 году именем Андрея Крылова распоряжается уже его вдова. Биография племянника патриарха Гермогена совпадает с теми немногими фактами, которые известны о жизни автора «Летописца знамений». Последнее казанское известие рассматриваемой рукописи датируется 1616 годом. При этом автор периодически обращался к своему труду вплоть до 40-х годов XVII века. Следовательно, вскоре после 1616 года он уехал из Казани и проживал в другом месте. У него было двое сыновей: старший Семен (возможно, названный в честь деда) и младший Иван. Последний при постриге в соответствии с традицией мог принять имя Иосиф как начинающееся на ту же букву, что и его мирское имя. Наконец, некоторые имена близких автору «Летописца знамений» людей, чью кончину он отмечал в рукописи, находят соответствие в синодичных записях рода патриарха Гермогена. Если данное предположение верно и автор «Летописца знамений» — это родственник пат-

риарха Гермогена Андрей Семенович Крылов, то получает объяснение близость «Летописца знамений» и Хронографа редакции 1617 года, составление которого А. Н. Насонов связывал с деятельностью Гермогена.

И. М. Грицевская (Нижний Новгород) в докладе «Развитие месяцеслова Иерусалимского устава на Руси: локализация распространения и роль в региональной культуре в XV в.» отметила, что на Руси получили развитие две редакции Основного типа иерусалимского уставного месяцеслова, восходившие ко Второму Болгарскому переводу Иерусалимского устава: редакция Устава 67 глав («Око церковное») и редакция Устава 44 глав. Редакция Устава 67 глав была достаточно нейтральна политически и распространялась при этом в центральных крупных общежительных монастырях, близких к митрополичьей кафедре. Редакция же 44 глав включала память Петра митрополита Московского, что, вероятно, говорит о ее промосковском характере. Интересно, что распространение этой редакции началось с Твери и Новгорода. Причем если в Твери ее продвигали местные промосковски настроенные владыки, то в Новгороде Устав с подобным месяцесловом вводил Евфимий II Новгородский, в достаточной мере независимый от Москвы. Это показывает неоднозначность и сложность культурных и религиозных взаимоотношений двух крупнейших центров того времени — Москвы и Новгорода. Старшие виды двух редакций иерусалимских уставных месяцесловов дают начало развитию локальных версий (новгородских, тверских, псковских, смоленских, ростово-ярославских), возникших и распространявшихся вплоть до середины XVI века, а в некоторых случаях еще и позднее.

Доклад С. А. Давыдовой (Санкт-Петербург) «Об одной рукописи из собрания П. П. Вяземского Российской национальной библиотеки» был посвящен рукописи из собрания П. П. Вяземского 1451 года — минейно-триодному четъему сборнику. Именно составу такого рода сборников, но более ранних, посвящен цикл работ Творогова. Докладчица обратилась к источникам рассматриваемого ею сборника. По ее наблюдениям, чтения выписывались в него главным образом из триодного и минейного Торжественника (возможно, из Торжественника общего). Наряду с триодными чтениями от Цветной недели до Недели всех святых здесь имеются торжественные гом依ии на праздники господские и богородичные, а также наиболее чтимых святых. Из того же источника, на взгляд докладчицы, составитель выписал жития в основном святых жен (мучениц, пустыниц, исповедниц). В сборнике встречаются и повествовательные произведения (Хождение Агапия в рай, Слово об изгнании Иоанна Златоуста, Слово о Ефросине черноризце и др.). Часть из них была известна уже в домонгольское время в составе таких сборников, как Пролог и Изборник 1076 года. Однако редакционные отличия их текстов от текстов рассматриваемого сборника свидетельствуют о других

источниках последнего, какими, по мнению докладчицы, были новые южнославянские компиляции, множество которых получили распространение в древнерусской книжности именно в XV веке, в период так называемого второго южнославянского влияния.

А. Г. Сергеев (Санкт-Петербург) сделал доклад на тему «„Слово о создании Адамова“ и рукопись БАН, Архангельское собр., Д. 6». «Слово о создании Адамова...» помещается обычно в состав новоизводного триодного Торжественника, бытующего в южнославянской традиции под названием Панигирика (так!). Исследователь показал компилятивный характер памятника в рассматриваемой рукописи и указал его источник — Шестоднев Севериана Гевальского. В архангельской рукописи сохранилась особая редакция памятника — текст источника изложен в ней более пространно. В выступлении было высказано предположение, что дополнительное заимствование свидетельствует о вторичном обращении к источнику.

М. Б. Свердлов (Санкт-Петербург) в докладе «„Поляне бо своих отець обычаи имуть кротокъ и тихъ...“: из комментария к Повести временных лет» проанализировал текст недатированного введения этой летописи, в соответствии с которым в языческий период племя полян соблюдало нормы нравственности в семейных отношениях и при заключении браков. В отличие от полян древляне, радимичи, вятичи и северяне якобы умывали себе жен по сговору с ними, имели по две или три жены. В научной литературе на основании таких сведений нередко делали выводы о большем социокультурном развитии полян, о распространении у восточных славян многоженства и т. д. Однако Лихачев обоснованно видел в данном тексте проявление местного патриотизма киевлянина. Его точку зрения Свердлов подкрепил своими разысканиями. Он показал, что уже в индоевропейский период III–II тыс. до н. э. и в общеславянский (праславянский) период V — начала VII века существовала развитая терминология кровного и свойственного родства, отражавшая запреты брачных связей между родственниками. Патриархальная большая семья, состоявшая из малых нуклеарных семей, в эпоху позднего бронзового и раннего железного века являлась экзогамной. В IX–X веках, в эпоху развитого железного века, в восточнославянских племенах существовали соседские сельские общины, состоявшие из моногамных малых и неразделенных семей при индивидуальной и в редких случаях малосемейной ответственности перед законом. Из этих наблюдений следует, что комментируемый текст летописи носит публицистический характер. Его автор собрал сведения о грехах человеческих, об отклонениях от норм христианской нравственности, которые продолжали существовать во всех землях Русского государства второй половины XI — начала XII века, особенно в двоеверческой среде, но отнес он эти сведения только к древлянам, северянам, радимичам и вятичам. Как еще в 1916 году

заметил Шахматов, обобщая результаты своих разысканий об истории русского летописания, рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы.

Д. М. Буланин (Санкт-Петербург) в докладе «Из комментариев к посланиям Ивана Грозного» рассмотрел встречающиеся в посланиях царя реминисценции из «Сербской Александрии», причем выявил довольно точное отражение текста переводного памятника в Первом послании Ивана Грозного Андрею Курбскому («горе граду, имже мнози обладают»). Интерпретируя высказывание царя, докладчик привел аргументы против традиционного понимания слов самодержца как принципиальной декларации в пользу единовластия (Н. М. Карамзин). По мнению Буланина, спор с беглым князем шел на абстрактном уровне: корреспонденты обсуждали не конкретную политическую программу, а лишь то, насколько Грозный соответствовал образу идеального государя.

Доклад А. Г. Боброва (Санкт-Петербург) «Мусин-Пушкинская рукопись со „Словом о полку Игореве“ в ряду древнерусских сборников» был посвящен сопоставительному анализу содержания знаменитого сборника, сгоревшего в 1812 году, с другими известными манускриптами. Сославшись на О. В. Творогова, отметившего наличие двух сочинений, читающихся в составе Мусин-Пушкинского сборника (Повести об Акире Премудром и Сказания об Индийском царстве), в утраченном сборнике Соловецкого монастыря, № 31 (46), исследователь слил состав последнего с другими рукописями. Наибольшая близость к составу Соловецкого сборника обнаруживается в сборниках Ефросина Белозерского (особенно РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 11/1088) и в рукописи, содержащей единственный полный список Пространной редакции «Задонщины» (РГБ. Собр. В. М. Ундольского. № 623). Сочинения, находящиеся в этих сборниках, определяются как «баснословные повести», они представляют рукописную традицию, в контексте которой бытовало «Слово о полку Игореве».

Л. В. Соколова (Санкт-Петербург), отдавая дань уважения О. В. Творогову как полемисту, рассмотрела в своем докладе «К спору о жанровой природе Плача Ярославны» статью И. В. Лемешкина «Княгиня Ярославна Мезенского уезда, или Почему жена Игоря плачет „на забрале“» (Русская литература. 2017. № 1. С. 107–125). Лемешкин спорит в ней с теми исследователями, которые характеризовали Плач Ярославны как текст «с магическим значением», в результате которого происходит благополучное возвращение Игоря из плена. Точка зрения ученого заключается в том, что Плач Ярославны следует определять исключительно как *похоронно-поминальный* плач, состоящий из жалоб, обращенных к солнцу, ветру и реке (Днепру), и не имеющий отношения к бегству Игоря из плена, которое состоялось, как полагает Лемешкин, в мае–июне 1186 года.

Докладчица привела аргументы в пользу того, что плач Ярославны — не похоронно-

поминальный плач, а *плач в разлуке с мужем-воином*, «прилежать» к ней которого героиня просит Днепр. Параллелью плачу Ярославны служит и *плач в разлуке с мужем-рекрутом*, записанный Е. В. Барсовым от Афросиньи Ехаловой, и западноевропейские *женские плачи в разлуке с мужем*, указанные Барсовым и А. Н. Робинсоном: вслед за рыцарями, отправлявшимися в крестовые походы, неслись французские, провансальские, итальянские *женские «песни разлуки»*. Они нашли свое отражение в «Песни о Роланде» и в «Сказании о Вольфдитрихе», героиня которого Либгарда стоит на стене замка, ожидая своего мужа Ортнита и жалуясь на разлуку. Но Плач Ярославны — это не просто плач в разлуке с мужем. Со времен Ф. И. Буслаева исследователи видят несомненную причинно-следственную связь между плачем Ярославны и благополучным бегством Игоря из плена. На это указывал и Барсов, об этом писала и Н. С. Демкова. Анимистическая молитва Ярославны, обращенная к силам природы, как и имена языческих богов, служащих в «Слове» символами определенных понятий и представлений, не свидетельствует о двоеверии или язычестве автора. Это поэтический прием, призванный оправдать бегство Игоря из плена, что считалось поступком, наносящим урон чести князя: бегство происходит как бы по воле высших сил, откликнувшись на молитву Ярославны. О христианском, а не языческом мировоззрении автора говорит и следующее: анимистическая молитва Ярославны возымела действие, но помогает Игорю бежать в первую очередь христианский Бог: смерчами он Игорю «*путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую*».

Помимо докладов на заседании прозвучали воспоминания об О. В. Творогове. Ими поделились Н. Д. Кочеткова, М. В. Рождественская, М. Б. Свердлов, И. М. Грицевская, Т. В. Анисимова, П. В. Бекедин. Л. В. Соколова в заключение своих воспоминаний прочла несколько стихотворных экспромтов Творогова, часто написанных во время доклада на «секторских средах» или на заседаниях Ученого совета по защитах диссертаций, на которых ученый нередко председательствовал. Эти стихотворные экспромты говорят о его редком и ярком таланте и позволяют увидеть очень глубокого и серьезного ученого, у которого едва ли не все время было отдано науке, с другой стороны — как остроумного, обладавшего тонким юмором человека, умевшего моментально отреагировать на ситуацию стихотворным высказыванием. Вот, например, моментальная реакция на доклад Л. В. Титовой «Слово о злых женах»: «Речью мудрою Титовой / Поражен я и сражен: / Будто жизнь я прожил снова, / Все узнав о зlobe жен... / Мне осталось жить немного / В роли мужа и отца, / У меня одна дорога — / В том, что жены не от Бога, / Убедиться до конца».